

501

Марк Блау

**Человек,
который
изобрел
джинсы**

**Биография
Ливая Страусса**

Марк Блау

**Человек, который
изобрел джинсы.
Биография Ливая Страусса**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Блау М. Г.

Человек, который изобрел джинсы. Биография Ливая Страусса /
М. Г. Блау — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга посвящена жизни Ливая Страусса, изобретателя джинсов, которые, вероятно, являются самой известной одеждой в мире. Скучной жизнь Ливая Страусса не назовешь потому, что она прошла на фоне подъема нового могучего государства, Соединенных Штатов Америки, и на фоне развития одного из красивейших городов мира, Сан-Франциско. Жить в такую эпоху нелегко, но вряд ли в конце такой жизни можно сказать, что она прошла даром. Поэтому эта книга - не только о биографии предпринимателя, но также и об истории США во второй половине 19-го века.

Содержание

Предисловие	6
Буттенхайм (1829 – 1847)	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ливай Страусс (Levi Strauss; 1829 – 1902)

Предисловие

Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «уйди-уйди», написана песенка «Кирпичики» и построены брюки фасона «полпред». В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У его обитателей стремление одно – как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода.

И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок

В своих воспоминаниях Надежда Яковлевна Мандельштам обозвала И. Ильфа и Е. Петрова молодыми дикарями за то, что они от души позубоскалили над злоключениями Васисуалия Лоханкина в коммунальной квартире. Какое зубоскальство Надежда Яковлевна Мандельштам сочла издевательством над всей многострадальной русской интеллигенцией.

Правда, к русской интеллигенции, если вспомним, Васисуалий Лоханкин причислил себя самочинно. В принадлежности его к этой «прослойке» авторы сомневались вместе с Остапом Бендером. Помните: «...из какого класса гимназии вас вытурили за неуспешность? Из шестого?.. И с тех пор вели исключительно интеллектуальный образ жизни?»

Так что Н. Я. разгневалась на обоих авторов «Золотого теленка» зря. Тем более, что произошло это лет тридцать спустя после их «преступления». Ни И. Ильфа, ни Е. Петрова к тому времени не было в живых. Да и Надежда Мандельштам фактически была уже другим человеком. А в пору юности – не стоит сомневаться – Надя, которая всего на два года была моложе Ильюши Ильфа, принадлежала к племени тех самых «молодых дикарей». И по молодости своей вполне искренне презирала бедного дурака Васисуалия Лоханкина, не доучившегося в гимназии до физики Краевича. Так же, как и всех мещан, строителей брюк фасона «полпред», эгоистично мечтающих о собственном пропитании, а не о счастье человечества.

Тот же юношеский романтический бред но в более основательной форме выразил в своем выпускном гимназическом сочинении молодой Карл Маркс.

История признает тех людей великими, которые трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей...

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это – жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей

Размышления юноши при выборе профессии

Обычно желание осчастливить человечество проходит само собой годам к сорока. Пропорционально уменьшению концентрации гормонов в крови возникает понимание того, что незадолго до смерти сформулировал сгорающий от туберкулеза И. Ильф: «В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет».

Дизель мотор и перелет вокруг света счастья роду людскому не принесли. А печальным итогом романтического стремления насильно облагодетельствовать человечество оказалось только изрядное усечение численности этого самого человечества.

Выходит, зря юные прометеи карабкались на высокий пьедестал демиурга, пытаясь раскассировать людей по странным признакам, взятым, как оказалось, с потолка? Выходит, зря драли глотку, пытаясь доказать истину в последней инстанции? Словно бы не для них сказано было: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». А дело, тем более.

Посему до сих пор открытым остается вопрос, кто может оказаться бóльшим благодетелем человечества: Гарибальди какой-нибудь бесбашенный или же скромный торговец рабочей одеждой из американского города Сан-Франциско.

Первый, войдя в долю с королем Виктором-Эммануилом, и обидев Папу римского, способствовал появлению на карте Европы немаленького государства Италии. За что заслужил признательность всего прогрессивного человечества.

Второй всего-навсего наладил выпуск брюк из синей парусины с карманами, укрепленными заклепками и дал им свое имя, «Levi's». Брюки «Levi's», они же «деним», они же «джинсы» прославились сначала, в качестве рабочей одежды, потом стали одеждой стильной, потом завоевали весь мир. Такого не удалось до сих пор никаким Чингиз-ханам. Будем надеяться, и впредь не удастся.

Писатели любят описывать жизнь первооткрывателей, воров, революционеров. Сколько путешествий, сколько головокружительных приключений! Я, начиная жизнеописание торговца штанами, тоже обещаю уважаемому читателю: будут путешествия, будут! Упомянутый торговец за время своей жизни совершил два больших путешествия. Сначала переселился с одного континента на другой, а потом – с восточной оконечности того континента перебрался на оконечность западную. Чуть ли не полмира объехал! Приключений в жизни ему тоже хватило. Довелось побывать и бродячим торговцем, и портным, и капитаном бизнеса. Капитаном, который вывел в дальнее плавание крупную промышленную компанию. Довелось ему пережить и два разрушительных землетрясения. Ни в коем случае не являясь пламенным революционером, наш герой за свою жизнь ухитрился сменить и имя, и фамилию, и стал в конце концов **Ливаем Страуссом (Levi Strauss; 1829 – 1902)**. Но все же бóльшую часть своей жизни он прожил спокойно и размеренно, мирно занимаясь бизнесом.

У детища Ливая Страусса жизнь оказалась гораздо более бурной. Джинсы для нас, безусловно, не просто холщовые брюки с заклепками. Сперва они стали атрибутом американских вестернов. А после в них облачились юные дикари-бунтари, по-прежнему безуспешно штурмующие небо, смешающие господу Бога своими планами и докучающие ему своими советами. Джинсы стали символом молодежных и студенческих волнений в Америке и Европе в конце 1960-х годов и культом советской молодежи, странным апофеозом ее представлений о западном образе жизни. В истории XX века мало найдется символов столь же емких, конкретных и в то же время универсальных. Ведь джинсы – интернациональная одежда; лишь по происхождению они из Америки. Впрочем, если копнуть чуть глубже, все равно окажешься в Европе.

Буттенхайм (1829 – 1847)

Вряд ли до сегодняшнего дня кто-либо из моих читателей слышал о немецком городке Буттенхайм. Микроскопический этот городок находится в Баварии, а точнее в северной ее части, Франконии, неподалеку от Нюрнберга.

Чтобы попасть в Буттенхайм, следует свернуть с общегерманского автобана номер 73 и проехать около двух километров в сторону. Этого будет достаточно, чтобы стих шум моторов, и Вы почувствовали, что находитесь в ужасной глуши. Поле, лес на горизонте, стрекот кузнечиков. Идиллия...

Расположенному среди всей этой идиллии мельчайшему городку есть чем гордиться. Вернее, кем. Здесь 26 февраля 1829 года родился всемирно известный **Лейб Штраусс (Löb Strauß; 1829 – 1902)**. Не сделав большой ошибки его можно назвать изобретателем джинсов, которые носит нынче весь мир. И плакат на обочине автобана заманивает проезжих туристов в Буттенхайм, где находится музей, посвященный знаменитому человеку и его изобретению.

Микроскопичность Буттенхайма в годы Второй мировой войны спасла его от бомбежки союзников. Поэтому здесь уцелели старинные фахверковые дома. А еще уцелели документы, которые безошибочно указывают: немаленькое семейство Штрауссов обитало в одном из старых домов на улице Марктштрассе, 33. Дом этот подремонтировали, побелили, балки, окна и двери выкрасили в необычный для здешних мест голубой, «джинсовый», цвет. На двух этажах и в мансарде размещается экспозиция музея, включающая обширную коллекцию джинсов всех времен, собранную Йоргом Катинсом (Jörg Katins) и Юргеном Депкеном (Jürgen Depken).

Отец Лейба Штраусса, **Гирш Штраусс (Hirsch Strauß) (1778 – 1845)**, был бродячим торговцем, коммивояжером. А по-русски говоря, коробейником. В начале 19-го века этот промысел был очень распространен среди евреев Центральной и Восточной Европы. У христиан он считался такой же традиционно еврейской профессией, как ростовщичество и медицина. Конечно, профессия эта была гораздо менее доходной, зато почти не требовала больших знаний или начального капитала. Главным капиталом Гирша Штрауса были здоровые ноги и крепкая спина.

Это для нас сейчас проехать на автомобиле пятьдесят километров – безделица. А ведь чтобы пройти такое расстояние пешком, требуется два дня. И двести лет назад в Германии было множество людей, которые за всю свою жизнь не удалялись от родного дома так далеко. Даже на ярмарку. Немцы тогда слыли изрядными домоседами. Пословица «Где родился, там и пригодился» – это про них.

Впрочем, если до ярмарочного города далеко, ярмарка сама может прийти в деревенскую глушь, к твоему дому.

Рис. 1. Дом в Буттенхайме, где родился Л. Штраусс. Сегодня здесь музей

Дом в Буттенхайме, где родился Л. Штраусс. Сегодня здесь музей

Гирш Штраусс, подобно многим другим бродячим торговцам, приходил в глухие хутора и деревни с коробом за плечами, в котором были товары самые необходимые. В первую очередь деревенские жители покупали ткани и галантерею. Для женщин были у коробейника иголки, нитки, булавки и пуговицы. Для мужчин – ножи и ножницы. Довольно часто бродячие торговцы выполняли индивидуальные заказы, по предварительной договоренности покупали и приносили на дом заказчику украшения, инструменты или какой-нибудь сложный инвентарь.

И всегда они приносили новости. За этот товар не платили, зато он позволял сблизиться с будущим покупателем. Народ в глуши на рассказы падкий. Ладный язык помогал коробейнику не меньше, чем крепкие ноги.

Кстати, о языке. После победы в Германии нацистов партийные филологи начали распространять «научные» теории о том, что евреи – зловедные пришельцы, которые к прочим своим грехам еще испортили Великий Немецкий Язык, превратив его в ублюбочный идиш. Утверждение весьма удивительное в стране, где в каждой земле говорили и говорят на своем диалекте, по своему «искажающем» немецкий литературный язык. Который, к слову сказать, возник только в 16-м веке. Идиш прекрасно вписывался в большое семейство немецких языков, оставаясь по сути своей языком германским, несмотря на древнееврейскую его письменность и большое количество слов, позаимствованных в иврите и в арамейском языке. Случай в истории не единичный. Например, существует мальтийский язык, причудливая смесь арабского и итальянского. Его относят к семитским языкам, и это единственный семитский язык,

пользующийся для письма латинским алфавитом. Так почему бы не быть германскому языку с еврейской письменностью¹?

Что же касается «пришельцев», то на территории Германии евреи оказались едва ли не одновременно с самими германцами. В римских пограничных городах-колониях проживало изрядное количество евреев. На месте этих поселений впоследствии возникли такие города, как Трир, Франкфурт и Кельн.

В Буттенхайме тоже существовала еврейская община со всеми присущими ей атрибутами. Первые упоминания о ней встречаются в 1450 году. Судя по всему, община была не маленькая, если стояла в городке синагога, и было еврейское кладбище. И если в 1822 году после смерти жены Гирш Штраусс без труда отыскал себе жену для второго брака. От первой жены, Мейделе Шнайдер, у него было четверо детей: сыновья Якоб, Йонас, Липпман и дочь Майла. Вторая жена, Ривка Хаас, родила дочь Фейгеле и сына Леви. В свидетельстве о рождении на немецком языке он записан как Лейб Штраусс.

В течение жизни, перебравшись в другую страну, наш герой изменит и имя, и фамилию, став, в конце концов, Ливаем Страуссом. Пока же этого не произошло, поинтересуемся происхождением немецкой фамилии Штраусс, которую носили многие знаменитые люди.

У немцев фамилия эта не относилась к разряду типично еврейских. Были даже дворянские семейства Штрауссов, герб которых неизменно украшала экзотическая длинноногая и длинношеяя птица страус, по-немецки «Straussenvogel». Хотя, скорее всего, у рыцарей эта фамилия возникла от средневекового немецкого слова «struz», что означало «битва, борьба, драка». Фамилия же горожан или крестьян – простонародное прозвище для долговязого человека, особенно с длинной шеей. Шея, как у страуса, значит, и будет тебе прозвище «страус» (Strauß).

Самый известный из множества Штрауссов – это, без сомнения, венский композитор **Йоганн Штраусс младший (Johann Strauss II) (1825–1899)**, очаровавший весь мир своими волшебными вальсами и польками. Его отец **Йоганн Штраусс старший (Johann Strauss I) (1804–1849)** тоже писал вальсы, но больше всего его прославил «Марш Радецкого». В конце 19-го – начале 20-го века этот марш был непременным хитом во всех военных оркестрах Европы. Еще один весьма известный композитор среди Штрауссов, немец **Рихард Штраусс (Richard Strauss) (1864–1949)**, автор опер и симфонических концертов, которому выпала нелегкая доля – быть едва ли не главным композитором Третьего Рейха. Так что в его «арийском» происхождении нацистское начальство не сомневалось.

Так же не стоит выискивать еврейские корни в биографии баварского политического деятеля **Франца Йозефа Штраусса (Franz Josef Strauß) (1915–1988)**, чьим именем назван аэропорт Мюнхена. Таких корней не могло быть, иначе вряд ли этот Штраус был бы активным членом «гитлерюгенда» и воевал во время Второй мировой войны в вермахте.

Зато несомненным евреем был другой очень известный однофамилец нашего героя – французский антрополог **Клод Леви-Стросс (Claude Lévi-Strauss) (1908–2009)**. Как видим, во французских пределах Штрауссы превращаются в Строссов просто в силу французской орфографии. Точно также житель Эльзаса, ювелир **Георг Фридрих Штрасс** стал **Жоржем Фредериком Страссом (Georges Frédéric Strass) (1701–1773)**. Этот Штрасс-Страсс научился изготавливать из стекла имитации драгоценных камней, чем и прославился. Не желая быть обвиненным в подделке, он неизменно предупреждал клиентов, что его украшения – не настоящие. Но камни Страсса, действительно, были очень красивы. И почти не отличимы

¹ Еще один экзотический случай такого рода – запись арабскими буквами слов западнорусского (белорусского) языка. Ею пользовались в 16-м веке мусульмане-татары, жившие на территории Великого княжества Литовского, где белорусский язык был языком государственным.

от настоящих драгоценностей. Поэтому, в конце концов, клиентурой страсбургского ювелира стали дамы парижского высшего света. А камешки получили гламурное название «стразов».

Жителям Израиля, несомненно, известны еще два Штраусса. Именем одного из них, **Натана Штраусса (Nathan Straus) (1848 – 1931)**, известного американского промышленника и филантропа, назван город Нетания. Разумно было бы предположить, что сделали это в знак признательности за его жертвования, в результате которых в 1929 году в Шаронской долине появилось новое еврейское поселение. Ничего подобного. Натан Штраусс не скрывал своих симпатий к сионистам и финансировал несколько филантропических проектов в Палестине. Но как раз на основание нового города денег не дал. Впрочем, для укрепления еврейского присутствия в Палестине он сделал немало. В частности, в области здравоохранения и охраны материнства и младенчества. Одна из крупных центральных улиц Иерусалима названа в честь Натана Штраусса, потому что здесь находился созданный при его финансовой поддержке пункт детской медицинской помощи.

Не менее известна в Израиле продукция концерна «Штраусс»: творог, йогурты, мороженное и шоколад «Элит». Концерн – наследник молочного завода, основанного в 1930-х годах в Нагари эмигрантами из Германии, **Рихардом и Хилдой Штраусс**.

Однако, вернемся в Баварию 1830-х годов. В это время на карте Европы еще не существовало страны под названием Германия. Зато на ее месте были 36 самостоятельных немецких государств. Только два самых крупных из них, Пруссия и Баварское королевство, пытались каким-то образом влиять на большую европейскую политику. Впрочем, простым подданным прусского и баварского короля от борьбы их монархов за гегемонию было не много пользы.

Евреям – в особенности. С 1818 года по баварской конституции им гарантировалась свобода вероисповедания. Однако, государство, позиционировавшее себя в качестве католической монархии, сделало достаточно для того, чтобы баварским евреям жизнь медом не казалась.

К примеру, в городах евреям разрешалось селиться только в пределах определенного района. И даже на это не всякий мог получить разрешение от магистратского чиновника. Более того, чтобы вступить в брак, евреям тоже требовалось официальное разрешение. Обычно право на вступление в брак получал только один, самый старший в семье, сын. А прочие? Пусть сами выбирают путь. Тем более что выбор был не богат: терпеть, креститься или покинуть Баварию.

Покинуть? Хорошая мысль! Однако, соседние германские государства были тоже весьма далеки от религиозной терпимости. Существование евреев и там обставляли множеством ограничений, иной раз еще более «веселых», чем в Баварии. На фоне этих ограничений даже жизнь в пределах черты оседлости в Российской империи казалась вполне приемлемой. А относительно недалекая Франция вообще виделась светочем свободы. Однако то и дело этот светильник разума сотрясали революции. А где революции, там и погромы. Не правда ли?

Далекая Америка казалась гораздо более заманчивой страной для потенциальных эмигрантов. По слухам, за океаном любой мог стать миллионером. В это верилось с трудом. По слухам, там совсем не было антисемитизма. В это не верилось совсем. Впрочем, почему бы и не попробовать?

Наиболее смело решались на эмиграцию в Америку именно бедняки. На «старом континенте» им искать было нечего. Евреям – тем более. Практически в любой европейской стране к евреям относились тем более терпимо, чем толще был у них кошелек. А уж если беден – не обессудь! Так не лучше ли уж податься туда, где светила какая-никакая а надежда? Хотя один переезд, как говорится, равен пожару.

В 1839 году старшие братья Штрауссы, Йонас и Липпман, уехали искать счастья в Америке и обосновались в Нью-Йорке. В 1845 году, после смерти отца, семейство Штрауссов поняло, что теперь их ничто не держит не только в Буттенхайме, но и в Баварии тоже. Было

распродано все, включая дом. В июне 1847 года Ривка Штраусс получила выездную визу и паспорт. В паспорт были вписаны трое ее детей: Майла, Фогеле и Леви. Паспорт был надеждой на новую жизнь.

А начиналась новая жизнь с изматывающего путешествия в Америку. Сперва семейству Штрауссов предстояло пересечь всю Германию с юга на север, чтобы в Гамбурге сесть на корабль. Сейчас, на поезде, это занимает несколько веселых часов. В те годы, когда семейство Штрауссов покидало Европу, по всей Германии уже полным ходом велось строительство железных дорог. Еще через несколько лет благодаря им будут отменены внутригерманские таможенные тарифы. Железные дороги фактически объединили Германию в единое государство за десяток лет до того, как это сделал «железный канцлер» **Отто фон Бисмарк (Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen) (1815 – 1898)**. Чуть позже, мы увидим (см. стр. 48), как чудесная стальная нить свяжет воедино еще более гигантскую территорию, Соединенные Штаты Америки.

Но семейство Штрауссов новым видом транспорта так и не воспользовалось. До Гамбурга они добирались на дилижансах. Это заняло неделю. В конце июня они покинули Европу навсегда. Корабль взял курс на Нью-Йорк.

Регулярные трансатлантические рейсы между Америкой и Европой начались в 1816 году. Первые суда ходили под парусами. Поэтому путешествие между континентами могло занять две недели, а могло продлиться и месяц. Как повезет с ветром. Трансатлантические суда назывались почтовыми, потому что главным образом, они перевозили почту, а пассажиров брали как бы между прочим. О комфорте говорить не приходилось. Даже пассажиры первого класса размещались в маленьких каютах. А пассажиры четвертого класса вообще ехали в трюме, где для них специально были построены двухэтажные нары.

Удобств для пассажиров не прибавилось и после того, как на трансатлантические трассы вышли пароходы. Впрочем, долгое время пароходы имели парусную оснастку. Паровая машина потребляла много угля, более 1 т в час, и поэтому, пока позволяла погода, корабли шли под парусами. К 1847 году, когда наш герой плыл через океан, пароходы все еще оставались «гибридными».

Как и большинство бедных еврейских семей, перебивавшихся из Европы в Америку, Штрауссы занимали самые дешевые места четвертого класса. Это значило ютиться под палубой, где не было ни окон, ни свежего воздуха, ни туалетов. Поэтому, если погода стояла хорошая, эмигранты весь день проводили на палубе. В случае же непогоды приходилось мучиться в задренном трюме.

Немаловажный вопрос в длительном плавании – питание. Всех пассажиров кормили достаточно однообразно. Пассажирам четвертого класса доставались обычно вареные бобы с солониной, иногда изрядно протухшей.

Можно не сомневаться, что еврейские эмигранты, как правило, люди религиозные, соблюдая кашрут, такую еду есть бы не стали. По флотским правилам тот, кто отказывался от общего стола, должен был готовить сам, для чего иметь с собой запас продуктов, а также посуду: котелок, сковороду, кружку, чайник, нож, вилку и ложку. Набор продуктов обязательно включал большое количество галет, муку, картофель, чай, сахар или патоку, сушенное или копченое мясо. Запас продуктов и посуду следовало предъявить помощнику капитана. Без этого пассажир на борт не допускался. Продукты хранились на камбузе, и выдавались владельцу в момент приготовления еды. Но все равно к концу путешествия запасы плесневели и изрядно портились.

Если везло, и погода была ясная, главным испытанием на корабле для пассажиров была скука. В противном же случае, когда корабль попадал в мало-мальскую качку, почти все пассажиры страдали от морской болезни. А сороковые широты, в которых шли корабли из Европы в

Америку, не зря назывались «ревушими». Иной раз здесь, казалось бы, без причины, поднимались огромные волны. Так что морское путешествие бедные эмигранты должны были запомнить. И сойдя на берег в Нью-Йорке почувствовать, что путь назад закрыт навсегда. Даже если и удалось бы насобирать денег на обратный билет в Европу, от одной мысли о повторном морском путешествии многих явственно мутило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.